ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 81'23 DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-157-171

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ – ЧАСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ИЛИ ЧАСТЬ ТЕОРИИ?

А.А. Яковлев

доцент кафедры романских языков
и прикладной лингвистики ИФиЯК СФУ
г. Красноярск, пр. Свободный 82а
mr.koloboque@rambler.ru

Статья посвящена анализу содержания понятия «языковое сознание». Его принято определять как часть индивидуального сознания, связанную с языком и выражаемую в речи. Однако, с точки зрения культурно-исторической теории Л.С. Выготского и примыкающим к ней философским концепциям, такая трактовка этого понятия тавтологична, поскольку сознание человека имеет принципиально знаковую, языковую природу, и выделить в нем некий отдельный «языковой» компонент невозможно. Автор предлагает трактовку языкового сознания как психолингвистического понятия, которое показывает, каким образом внутренние (личностные) и внешние (социальные) условия функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и личностных смыслов слов. «Языковое сознание» является в таком случае не предметом исследования, а теоретическим понятием, конструктом, отражающим определенные закономерности вероятностного характера. Оно позволяет говорить лишь о больших или меньших тенденциях, но никогда не об однозначных характеристиках соответствующих языковых явлений в их связи с социально-культурными явлениями. Такая трактовка языкового сознания позволяет объяснять выявляемые в психолингвистических экспериментах факты через их связи с культурными особенностями, с опытом людей как членов определенных социальных групп, с личностными смыслами, с общекультурными ценностями. Развитие социально-культурных явлений, получающее ту или иную эмоционально-личностную оценку в сознаниях носителей языка, с регулярностью выражается в изменении значений и личностных смыслов некоторых слов и выражений. Эта регулярность и составляет содержание понятия «языковое сознание».

Ключевые слова: языковое сознание, личностный смысл, терминология психолингвистики, методология психолингвистики

Вводные замечания

Понятие «языковое сознание» в последние годы получило весьма широкое распространение. Оно употребляется в огромном количестве языковедческих работ (от статей до докторских диссертаций), но редко специально эксплицируется смысл, вкладываемый в это выражение. Тем важнее разобраться с его содержанием и применимостью в конкретных психолингвистических исследованиях.

Прежде всего, обратимся к двум наиболее распространенным определениям языкового сознания.

Первое из них дано Н.В. Уфимцевой и Е.Ф. Тарасовым: «Языковое сознание – это знания, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения в процессе обще-

ния первичных и вторичных образов сознания. Первичные образы, по А.Н. Леонтьеву, – это знания, формируемые личностью в процессе восприятия объектов реального мира, а вторичные образы – это первичные образы, используемые в качестве перцептивных эталонов при последующих актах восприятия» [Уфимцева, Тарасов 2009: 20]; ср. также: [Уфимцева 2003: 103; 2011: 206]. Наиболее важным для нас моментом является то, что языковое сознание (далее – ЯС) авторы относят к индивидуальному сознанию человека.

Второе интересующее нас определение ЯС принадлежит З.Д. Поповой и И.А. Стернину: «...Языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и – добавим, что очень важно – хранение языка в сознании. Система языковых единиц с их разнообразными значениями хранится в сознании и является принадлежностью языкового сознания, а исследование системы языка как феномена сознания есть исследование языкового сознания» [Попова, Стернин 2007: 45–46]. ЯС является, таким образом, частью коммуникативного и когнитивного сознания, а языковая система выявляет лишь часть содержания сознания и мышления и способна в общении выразить лишь часть смысла. В данном случае, как видим, ЯС тоже трактуется именно как часть индивидуального сознания человека. Следовательно, оба приведенных определения можно охарактеризовать как частные выражения единой точки зрения на ЯС.

Эта же точка зрения выражается в суждениях Е.С. Кубряковой: «Языковое сознание как совокупность смыслов, имеющих языковую привязку, – только часть сознания в целом, точно так же, как мышление – только часть ментальных процессов, осуществляемых в сознании (их нередко связывали в советском языкознании с так называемым „речевым мышлением“)» [Кубрякова 2012: 28]. Отметим, что факт соотношения ЯС с «остальным» сознанием еще очень далек от его определения, но многим исследователям, по всей видимости, этого вполне достаточно.

Именно эта точка зрения на ЯС получила чрезвычайно широкое распространение в отечественной психолингвистике. Действительно, многие авторы понимают ЯС как составную часть «сознания вообще», позволяющую связывать знания человека с материальной формой языковых знаков и выражать их, знания, в речи: [Горошко 2001: 22; Дзюба 2015: 38–39; Ильина 2012: 40, 74; Привалова 2006: 34; Сергиева 2010: 46; Шишканов 2002: 18–19].

Мы не рассматриваем здесь противоречивые работы, в которых языковому сознанию не дается четкого определения, а материалом исследования являются данные толковых словарей и энциклопедий или примеры из художественной литературы и публицистики. См., например: [Братчикова 2006; Ильинова 2009; Малевинский 2006; Шаманова 2009].

На наш взгляд, гносеологическая проблема в определении содержания ЯС как одного из понятий языкознания (точнее, психолингвистики) состоит в том, что невозможно все «содержание» сознания свести к языку. Кроме того, невозможно провести четкую грань между языковым и «остальным» сознанием (трудно даже однозначно отделить субъективное от объективного, тем более языковое от неязыкового).

Теоретическая проблема такой трактовки ЯС может быть выражена следующим вопросом: «Какой концепции сознания соответствует данная трактовка?» Этот вопрос совсем не праздный, поскольку никакое психолингвистическое исследование не может проводиться вне определенного психологического и философского базиса. К обсуждению этого вопроса мы сейчас и переходим.

Психологический и философский взгляд на сознание

Приведенная точка зрения на ЯС парадоксальным образом противоречит многим важным положениям школы Л.С. Выготского (хотя не только им), в которой человеческое сознание без языка попросту немыслимо. Парадоксальным – поскольку общеизвестна роль школы Л.С. Выготского в формировании отечественной психолингвистики. Кроме того, многие из цитированных выше авторов считают себя последователями именно этой школы.

Известно, что собственно концепцию сознания Л.С. Выготский разработать не успел, но и немногочисленных его работ и отдельных суждений о сознании достаточно, чтобы представить себе его общее решение этого вопроса. Л.С. Выготский многократно подчеркивал языковую, вообще знаковую природу сознания. Точнее, конечно, знаковой природой обладают высшие психические функции, а сознание есть их система. Широко известен последний пассаж «Мышления и речи»: «Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [Выготский 1982: 361]. Ср. в записных книжках Л.С. Выготского: «Вообще, нет содержания психики без знаков», а также: «Слово играет центральную роль в сознании, а не в его отдельных функциях [Записные книжки... 2017: 158, 319]. Уже здесь видно, что язык для Л.С. Выготского – это не составная часть сознания; язык и есть сознание, точнее, одна из форм его существования. Невозможно сказать, что вода или пар – это составные части того, что мы называем H_2O . Точно так нельзя и сказать, что язык, память, воображение, мышление, восприятие и т.д. – это составные части того, что мы называем сознанием.

Нет, думается, надобности приводить цитаты по этому вопросу из трудов А.Р. Лурии, который придерживался позиции своего учителя. Укажем лишь, что А.Р. Лурия считал язык специфической формой отражения действительности, которая сама по себе достаточна для формирования отвлечений, понятий, абстракций, поскольку удваивает чувственно воспринимаемую действительность и создает внутренний мир образов [Лурия 1979: 23–26, 32–39].

Положение о языковой и речевой природе сознания неоднократно высказывалось и А.Н. Леонтьевым. Приведем лишь один пример: «Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания» [Леонтьев А.Н. 1994: 35]. Сознание, по А.Н. Леонтьеву, состоит не из перцептивных образов предметов, а из значений и личностных смыслов предметов, в том числе слов. Но возникновение образа некоторого предмета – это не перемещение его в уже готовом виде в некий предзаданный, заблаговременно существующий план сознания, а процесс создания этого образа в сознании, т.е. формирование сознания. Ср. те же идеи у С.Л. Рубинштейна: [Рубинштейн 2012: 67–68, 70].

Характерно, что авторы, которые развивают, а иногда и критикуют идеи А.Н. Леонтьева и выделяют в сознании другие составляющие (наряду со значением и личностным смыслом), подчеркивают важность слова. См., например: [Василук 1993; Зинченко 2010].

Те же суждения легко можно найти у философов, оказавших существенное влияние на развитие психолингвистики. Сюда относятся, в первую очередь, понятие «идеальное» Э.В. Ильенкова и понятие «квазиобъект» (или «превращенная форма») М.К.

Мамардашвили. Оба мыслителя считали основой сознания именно эти категории, а язык – частным случаем системы идеальных предметов или квазиобъектов [Ильенков 2009; Мамардашвили 2011]. Индивидуальное сознание человека как раз и строится из таких явлений, создающих внутренний план психических действий. Сознание, психика, воля и т.д. суть не причины идеальных форм предметов (квазиобъектов), а только психические способы их выражения и существования.

То же самое находим у С.Л. Рубинштейна: «Без языка нет сознания. <... > Однако неверно попросту отождествлять сознание с языком, сводить его к функционированию языка. <... > Не слово само по себе, а общественно накопленные знания, объективированные в слове, являются стержнем сознания» [Рубинштейн 2012: 244–245].

Таким образом, в отечественной психологии и повлиявшей на нее части философии одним из ключевых положений является признание языка одной из важнейших форм существования человеческого сознания наряду с абстрактным мышлением или волевым действием. В этом отношении выражение «языковое сознание» является тавтологией: сознание без языка невозможно. Тем не менее, это не значит, что без языка невозможны вообще никакие формы сознания. Невозможны лишь те его формы, которые являются специфическими именно для человека. Другие формы, характерные, например, для животных, вполне могут существовать и без языка.

В свете сказанного интересным представляется, что выделение языкового аспекта сознания как части «сознания вообще» хорошо согласуется с двумя, пожалуй, главными направлениями в современной западной философии. Первое из них можно обозначить как материалистический (физикалистский) монизм, второе – как натуралистический дуализм. Наиболее ярким представителем первого является Д. Деннет, второго – Д. Чалмерс.

Сознание в концепции Д. Деннета сводится к отдельному, изолированному человеку, даже, скорее, к мозгу [Dennett 1991: 111-138; 2005: 18]. Характер взаимодействия такого индивида с внешним миром даже не рассматривается; рассматривается лишь факт получения им информации через органы чувств. А его мозг может быть и искусственным, главное – чтобы он обеспечивал такую же обработку поступающей информации. Д. Деннет стремится определить сознание в некоторых временных границах, но границы эти остаются границами церебральных реакций на внешние раздражители, а не активностью субъекта сознания. Сознание в этой трактовке – это сумма субъективного (по большей части перцептивного) опыта, совокупность образов. Оно приравнивается наблюдателю, принимающему ограниченное количество информации, доступной ему в некоторой области времени и пространства [Dennett 1991: 101].

Д. Чалмерс разводит два, по его мнению, различных, хотя не противоположных, понятия – психологическое сознание и феноменологическое сознание [Chalmers 1996: 10-21; 2010: 5-6]. Первое суть психические явления, изучением которых занимаются психология и особенно когнитивная наука. Второе – сознание как оно представлено самому субъекту, это его индивидуальный опыт переживания сознания. А содержание сознания характеризуется следующим образом: «Все, что происходит в актуально задействованных когнитивных процессах, – это по большей части категоризация, различение и реакция» [Chalmers 1996: 177]. Но опять-таки не действие субъекта сознания, выводящее его за восприятие наличной (актуальной) ситуации. В этой трактовке сознание остается чисто субъективным явлением, ограничивающимся познанием (пусть и в самом широком смысле) отдельного человека. Сознание состоит из образов предметов, как они даны самому субъекту сознания.

Именно этим концепциям соответствует трактовка ЯС как некоторой «частичной части» индивидуального сознания. Это та часть знаний, переживаний, ощущений и т.п. человека, которая дана ему в материальной форме языковых знаков и реализуется через речь (восприятие и порождение). В таком виде между более широкими и более узкими категориями противоречия не возникает.

Языковое сознание и психолингвистическая теория

Известно, что определение научного понятия фиксирует основную закономерность, которой подчиняется описываемое этим понятием явление [Зиновьев 1971: 64-65; Ильенков 1997: 125; Степин 2003: 352-353]. Теоретические модели и понятия, будучи отражением реальности, выступают одновременно как изображения структуры и свойств объекта познания и структуры практики с этим объектом, в рамках которой он выделяется из бесконечного ряда подобных и определяется. Теоретическое понятие фиксирует закон, согласно которому данный объект познания обладает данными свойствами. С другой стороны, закон, определяющий сущностные характеристики некоторой совокупности явлений или фактов, не может быть получен путем абстрагирования некоторого отдельного признака, присущего всем явлениям или фактам данной совокупности. Закон, по которому объект познания обладает присущими ему свойствами, – это не одно из свойств объекта наряду с остальными; в самом объекте он не содержится, а выводится из анализа внешней по отношению к нему системы взаимодействий с другими объектами, в которую данный объект входит.

Существенный методологический минус точки зрения на ЯС с сугубо индивидуальных позиций состоит в том, что она не позволяет выявить составляющие ЯС единицы и их связи, а также лишь указывает на предметную область, но не выявляет закономерности ее изменения именно в силу отсутствия в определении внешних и внутренних связей.

Примечательно при этом, что многие из упомянутых выше психолингвистических исследований стремятся связать явления культуры и социума с явлениями языка как достояния человека. Иначе говоря, они стремятся показать, как культурно обусловленные знания отражаются в речевых актах (точнее, их продуктах) конкретных людей. Наблюдается тенденция проследить проявляющееся в языке отражение в **индивидуальном** сознании **внешних** по отношению к нему предметов. Эта тенденция, как мы полагаем, выражает стремление ученых нащупать понятие, которое связывало бы два аспекта языка (индивидуальный и социальный) и позволяло бы проследить связь между динамикой языковых явлений, рассматриваемых с групповых позиций и с позиций индивидуально-личностных.

Мы полагаем, что ЯС и должно быть таким понятием, в котором отражаются подобные закономерные связи. Следовательно, ЯС должно считаться понятием теории, теоретическим конструктом, обобщенно отражающим закономерности изменения некоторых языковых фактов. ЯС, таким образом, не отражает напрямую содержания конкретных индивидуальных сознаний, но отражает их общие (т.е. наиболее важные, сущностные) закономерности в их связях с факторами социального и личностного порядка. Подобно тому, как в законе Бойля–Мариотта не содержится реальных характеристик конкретного газа, а его температура и вовсе неважна, но содержится общая закономерность соотношения между давлением и объемом любого газа. При этом этой закономерности нет в свойствах отдельных газов.

ЯС не находится целиком где-то «внутри» индивидуального сознания или целиком где-то «рядом» с ним, оно есть обобщенно представленное отражение внешнего (явления действительности) во внутреннем (индивидуальный язык, ментальный лексикон). Но ЯС не находится ни где-то в языковом материале, в текстах, ни в теории (являясь чистым научным конструктом), ни «рядом» с ними. ЯС выступает своего рода производной от внешних (групповых, социальных) и внутренних (эмоционально-личностных) факторов, влияющих на значения и личностные смыслы слов, при том что между внутренними и внешними факторами имеет место постоянное взаимодействие и взаимовлияние.

В ЯС как теоретическом понятии фиксируется определенная закономерная связь между внутренними и внешними факторами, влияющими на язык как достояние человека. Эта связь (зависимость) состоит в том, что для существенного, т.е. проявляющегося в виде явной тенденции, изменения значения и личностного смысла слова необходимо устойчивое, а не случайное изменение отношения людей к явлению, обозначаемому словом.

Можно дать следующее определение: языковое сознание – это психолингвистическое понятие, которое показывает, каким образом внутренние и внешние условия функционирования языка как достояния человека связаны с его движением, с изменением значений и личностных смыслов слов. Таким образом, ЯС фиксирует в обобщенном виде особенности изменения общих характеристик упорядочивания речевого опыта группы людей в зависимости от определенных (т.е. учитываемых теорией) внутренних и внешних факторов.

ЯС является не конкретным предметом познания, а понятием теории, научным конструктом, теоретической моделью действительности, которая воссоздает в обобщенном виде закономерную связь между языковыми явлениями, с одной стороны, и явлениями эмоционально-личностного и социально-культурного порядка, с другой. Иначе можно сказать так: в ЯС психолингвистическими методами в обобщенном виде воссоздаются закономерности влияния эмоционально-личностного переживания социально-культурных явлений на явления языка как достояния человека.

ЯС носит вероятностный характер, что позволяет говорить лишь о больших или меньших тенденциях, но никогда не об однозначных характеристиках соответствующих языковых явлений. Нельзя ничего сказать однозначно о характеристиках некоторого слова, можно сказать лишь, что во всей совокупности выявленных его характеристик имеются такие-то тенденции, которые более или менее вероятны при таких-то условиях, но никогда сумма их вероятностей не равна 100%. По этой же причине невозможно однозначно говорить об отношении конкретного человека к обозначаемому данным словом предмету или явлению. Можно лишь сказать о большей или меньшей (но никогда не абсолютной) вероятности такого его отношения.

Фиксируемая в ЯС вероятность будет большей или меньшей в зависимости от некоторых условий. Устанавливая эту зависимость, можно делать выводы о свойствах языка как достояния человека. Вероятностный подход подразумевает интерпретацию результатов с позиций статистических закономерностей, которые могут применяться только к большим совокупностям, но не к отдельным индивидуумам, образующим эти совокупности. Иначе говоря, такие законы относятся не к индивидуальному языку конкретного человека, а к совокупности идентичных индивидуальных языков.

Действительно, если апеллировать к индивидуальным сознаниям, невозможно с достаточной точностью знать, для кого из участников эксперимента характерна та или иная особенность. Это своего рода оборотная сторона того, что приходится работать с группой носителей языка: если работа идет с группой студентов, то и результаты могут распространяться на студентов, если с группой слесарей – то на слесарей (хотя в пределе, в особых случаях и на лингвокультуру вообще, но это особые случаи!). Поскольку в этих случаях в теоретической схеме, отражающей выявленные закономерности, фиксируются характеристики именно этих групп. Но невозможно сказать, к каким индивидуальным сознаниям принадлежат конкретные случаи выражения этих характеристик.

Это все не только объясняет, но и делает необходимым изучение ЯС с привлечением группы носителей языка со схожими социально-культурными характеристиками. Работа с группой людей требует и переосмысления того, что отражается в результате эксперимента, и особенно – что отражается в понятиях. В понятии ЯС отражаются не непосредственные характеристики индивидуальных сознаний, а теоретические модели зависимостей этих характеристик от разных факторов, которые (характеристики) выражаются в слове. Эти модели строятся на основе экспериментального изучения индивидуальных сознаний по результатам их активности.

Вероятностный подход дает понимание того, какие значения (тракуемые психолингвистически) и особенно личностные смыслы зависят от изменений во внутренних (эмоционально-личностных) и внешних (социальных) факторах и имеют устойчивую тенденцию выражаться во многих актах использования соответствующих комплексов языковых знаков в соответствии с некоторым соотношением внешних и внутренних факторов.

Языковое сознание и образ мира

Трактовка ЯС как части индивидуального сознания может, конечно, связывать его и с таким важным для отечественной психологии понятием, как «образ мира». Можно сказать: «Языковое сознание – это такие образы, входящие в состав интегрального образа мира, которые имеют в своем составе слово как обязательный компонент наряду со значением, личностным смыслом, предметным содержанием и чувственной тканью». Такое определение, конечно, вполне логично, но не проясняет динамики тех связей, которые соединяют образ мира и ЯС.

В свете сказанного об определении научного понятия представляется недостаточным трактовать образ мира лишь как некоторую «модель» мира, или репрезентацию мира, или отражение мира в сознании человека, поскольку в таком случае нужно еще уточнить, что такое модель, репрезентация и отражение.

Образ мира является частью сознания, но совершенно особой его частью. Он не просто предоставляет сознанию информацию о внешнем мире, а создает ориентационную основу для каждого действия. Человек окружен множеством предметов, для действия требуются только некоторые из них, и реагирование на все предметы окружающей обстановки привело бы к гибели. Благодаря образу мира создается неравнозначность предметов, выделение среди них менее и более значимых, чем уменьшается число степеней свободы каждого действия и обеспечивается его целенаправленность. Вместе с тем, создается основа для устойчивого неравновесия сознания, поскольку не все свойства и не всех предметов в одинаковой степени даны сознанию в образе мира. Образ мира позволяет интегрировать в актуально совершаемое действие часть опыта

и знания; образ мира позволяет задействовать не весь опыт, а только его необходимую при данных условиях и данной цели часть. Происходящая благодаря образу мира (хотя и не без помощи других явлений сознания) интеграция опыта и опережающего отражения в образ наличной ситуации создает относительную константность мира для сознания человека и в то же время дает возможность расширять и сужать границы отражаемой ситуации.

Образ мира не статичен и первичен по отношению к любому действию человека, даже к восприятию нового предмета. Предмет не может быть воспринят, если нет образа мира как целостности. Образ мира выводит сознание за границы чувственности, не отменяя последней, и при этом может быть репрезентирован человеку в разных чувственных формах (образ мира слепого не отличается существенно от образа мира зрячего, но построен из другого чувственного материала). Чувственная модальность не накладывается на образы как нечто дополнительное, а является способом репрезентации предметов субъекту, она – часть самих образов.

Учитывая сказанное, можно сформулировать следующее определение образа мира, не претендующее, разумеется, на полноту и окончательность. Образ мира – это континуум образов предметов, явлений и событий, выступающий в качестве смыслового фона, на котором в ходе действий сознания более рельефно проявляются образы отдельных предметов, явлений и событий, несущие их значения и личностные смыслы.

В образе мира наиболее значимые предметы и события наделяются особым статусом, организуют в соответствии со своим значением и особенно личностным смыслом другие предметы и события, чем обеспечивается особый характер деятельности сознания с ними.

Образ мира как психологическое понятие апеллирует к индивидуальному сознанию. Как же он связан с понятием ЯС, не отражающим характеристики индивидуальных сознаний?

Если, например, психолингвистический эксперимент выявляет в группе студентов стойкое выражение негативной эмоции в значении слова экзамен, то это значит, что в образах мира многих задействованных в эксперименте людей за этим словом закрепилась устойчивая негативная эмоция. Иначе говоря, с образом ситуации, с которым ассоциировано данное слово, у многих участников эксперимента ассоциирована также схожая негативная эмоция. Сама она является показателем того, что в схожих фрагментах опыта (зафиксированных в значении слова 'экзамен') активизировались схожие личностные смыслы. Изучение в рамках одного эксперимента таких слов, как *сессия, зачет, оценка, зачетка, учиться, готовиться* и т.п. даст понимание того, в какую более широкую систему личностных смыслов входят образы сознаний, ассоциированные со словом экзамен.

Разумеется, речь в данном случае уже не будет идти о некоем «совокупном» образе мира целой группы людей. Каждый образ мира индивидуален и уникален, и эксперимент не показывает просто некоторую сумму или инвариант образов мира. Это скорее система вариантов.

ЯС есть понятие, соединяющее влияние внешних (социальных) и внутренних (личностных) факторов на значение и личностный смысл слова. В приведенном выше примере внешним фактором является принадлежность участников эксперимента к студенчеству и регулярное осуществление ими учебной деятельности в вузе. Внутренним фактором является их личностное переживание тех ситуаций (фрагментов опыта), ко-

которые закреплены в значениях соответствующих слов. Следовательно, ЯС показывает, с какой вероятностью в образах мира задействованных в эксперименте людей проявится выявленное эмоционально-личностное отношение к феноменам и ситуациям, ассоциированным с некоторыми словами. Иначе говоря, ЯС позволяет судить о той вероятности, с которой в образах мира людей, принадлежащих к некоторой группе, а значит, и в их опыте, имеет (имела) место выявленная связь между эмоцией и словом. ЯС позволяет говорить о вероятности сходства фрагментов опыта общения и фрагментов образов мира этих людей. ЯС позволяет изучать систему вариантов и вероятность сходства или различия образов мира людей, объединенных в группу по некоторому социально-культурному фактору. Но эти явления отражаются через понятие ЯС не напрямую, не как таковые, а в обобщенном и абстрагированном виде.

Некоторые выводы

В качестве подведения итога укажем на те факты и явления, которые не могут быть объяснены при индивидуалистском взгляде на ЯС, но вполне объяснимы при его трактовке как теоретического конструкта, связанного с определенной группой носителей языка.

Трактовка ЯС как части индивидуального сознания не позволяет увидеть именно причинность наблюдаемых явлений – экспериментальных данных. Почему, например, при всей культурной разнице китайских и русских студентов образы профессий и наук, выраженные в данных ассоциативных экспериментов, в целом одинаковы? Предлагаемая нами трактовка ЯС позволяет дать следующий ответ: одинаков характер деятельности, в которую вовлечены данные образы, место студента в ней и характер ее переживания. Можно посмотреть на эту связь с другой стороны: коль скоро данные экспериментов не различаются существенным образом, это и значит, что опыт китайских и русских студентов, зафиксированный в соответствующих словах, также не отличается существенным образом.

Второй факт состоит в отражении общественно-культурных явлений в изменении значений слов. Характерны в этом отношении результаты экспериментов, проведенных А.А. Залевской и ее сотрудниками [Залевская 2010]. В самом деле, такие слова, как *депутат*, *патриотизм*, *оппозиция*, *партия* и т.п. за три последних десятилетия претерпели значительные изменения в значении и эмоционально-личностной оценке, хотя обозначаемые ими явления остались по своей сути теми же. Ср. в этой связи изменения таких слов, как *откат* и *распил* [Яковлев, Бойко 2016]. Во всех этих случаях важно не просто наличие некоторого социального изменения, а характер его эмоционально-личностного переживания носителями языка.

Третий факт состоит в том, что представления о некоторых предметах у представителей разных социальных групп одной и той же лингвокультуры (или разных лингвокультур) существенно различаются. Можно просто констатировать: их опыт различен. Это то, что дает индивидуалистская трактовка ЯС, но она не позволяет сказать, какая часть этих различий имеет социальный, а какая – эмоционально-личностный генезис. Так, нетрудно констатировать различие представлений о болезни и лечении или о воспитании и воспитателе в ЯС врачей, педагогов и представителей других профессий. Но следует сказать еще, чем именно различаются соответствующие слова (действительно ли их отличия существенны) и каким образом в них фиксируется различие опыта этих людей.

То же самое относится к изучению научной картины мира. Например, представления об объекте некоторых наук в ЯС студента ошибочны, потому что у студента нет опыта научной работы, а предмет науки он переживает с позиций своего собственного опыта, не являющегося научным. В его сознании нет научной картины мира «в мини-атюре». И наоборот: коль скоро в эксперименте выявляются такие тенденции, они и означают отсутствие соответствующего опыта (подробнее см.: [Яковлев 2018]).

ЯС позволяет изучать отражение профессиональной картины мира и различного рода стереотипов в индивидуальных сознаниях людей, принадлежащих к той или иной социальной группе. А частным случаем является изучение научной картины мира.

Предлагаемая нами трактовка ЯС эффективна в изучении влияния на язык как достояние человека внешних (социально-культурных) и внутренних (эмоционально-личностных) факторов в межкультурном масштабе, в масштабе отдельной культуры и даже отдельной социальной группы.

Четвертый факт относится к связи психолингвистических данных с такими понятиями, как «переживание» и «личностный смысл». Первое из них можно охарактеризовать, как субъективное, пристрастное отражение некоторого явления в сознании человека с точки зрения предоставляемых этим явлением возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей человека. Подробнее о нем см.: [Mind, Culture, and Activity 2016]. Второе является лишь одной из смысловых структур, среди которых Д.А. Леонтьев выделяет также смысловой конструкт, смысловую установку, смысловую диспозицию, мотив, личностную ценность [Леонтьев Д.А. 2007: 127-129, 167-251]. ЯС как понятие теории позволяет зафиксировать и обобщить, какие смысловые структуры и какой опыт переживания некоторого явления репрезентированы в соответствующих словах.

Индивидуалистская трактовка ЯС не позволяет объяснить, как разные смысловые структуры фиксируются в значениях и личностных смыслах слов. Например, есть основания предполагать, что со словами *аборт* и *экзамен* ассоциированы разные смысловые структуры у студентов (личностные ценности в первом случае и эмоции – во втором). Но у их родителей с обоими словами ассоциированы личностные ценности, т.е. смысловые структуры надситуативного характера. То же различие касается таких слов, как *учеба*, *семья*, *свадьба*, *беременность*, *молодость* и т.д. Таким образом, через понятие ЯС в данном случае можно объяснить связь между внешним фактором (возраст, осуществление/неосуществление учебной деятельности, семейное положение, наличие/отсутствие детей) и внутренним фактором (актуальность разных смысловых структур). ЯС как раз и будет выявлять и фиксировать эту связь.

Итак, предлагаемая нами трактовка ЯС как теоретического понятия позволяет объяснять выявляемые в психолингвистических экспериментах факты через их связи с культурными особенностями, с опытом людей как членов определенных социальных групп, со смысловыми структурами, с личностными и общекультурными ценностями. Вопрос о содержании понятия «языковое сознание» переводится, таким образом, в иную плоскость, а именно – в плоскость развития явлений, фиксируемых и обобщаемых этим понятием. Развитие социально-культурных явлений, получающее ту или иную эмоционально-личностную оценку в сознаниях носителей культуры (представителей определенных социальных групп), с регулярностью выражается в изменении (т.е. тоже в развитии) значений и личностных смыслов некоторых слов и выражений. Эта-то регулярность, эта стохастическая, вероятностная закономерность и составляет содержание понятия «языковое сознание».

В этом пункте смыкаются психология и психолингвистика. Через выраженные в слове эмоцию и смысловую структуру психология изучает общие законы тех систем, в которые входят эмоции и смысловые структуры. Через выраженные в слове эмоцию и смысловую структуру психолингвистика изучает общие законы тех систем, в которые входит слово.

Литература

- Братчикова Н.С.* Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 349 с.
- Василюк Ф.Е.* Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
- Горошко Е.И.* Языковое сознание: Ассоциативная парадигма: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 287 с.
- Дзюба Е.В.* Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. 286 с.
- Залевская А.А.* Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования (II) // Вестн. Тверск. гос. ун-та. Сер. «Филология». 2010. № 4. С. 204–213.
- Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное* / Под общ. ред. Екатерины Завершневой и Рене ван дер Веера. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 608 с.
- Зиновьев А.А.* Логика науки. М.: Мысль, 1971. 279 с.
- Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
- Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 464 с.
- Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Эвальд Васильевич Ильенков / под ред. В.И. Толстых. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 153–214.
- Ильина В.А.* Структура содержания слова в языковом сознании носителей разных культур: на материале номинантов образа одиночества: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 536 с.
- Ильинова Е.Ю.* Концептуализация вымысла в языковом сознании и тексте: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 449 с.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
- Леонтьев А.Н.* Философия психологии: из научного наследия / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 88 с.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
- Малевинский С.О.* Семантические поля порока и добродетели в языковом сознании современной студенческой молодежи: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2006. 207 с.

Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 288 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 486 с.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.

Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 420 с.

Стёпин В.С. Теоретическое познание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102-110.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф. Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 18-25.

Шаманова М.В. Коммуникативная категория в языковом сознании (на материале категории «общение»): дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2009. 534 с.

Шишканов И.В. Специфика немецкого и русского языкового сознания: Психолингвистический анализ тематической группы «Человек»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 216 с.

Яковлев А.А. Значения терминов как отражение научной и обыденной картин мира в сознании студента // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 30-40.

Яковлев А.А., Бойко Ю.Н. «Откат» и «распил» в языковом сознании студента: штрихи к психолингвистическим портретам // Вестн. Тверск. государственного университета. Сер. «Филология». 2016. № 4. С. 213-218.

Chalmers D. The conscious mind: In search of a theory of conscious experience. New York: Oxford university press, 1996. 375 p.

Chalmers D. The character of consciousness. Oxford, New York, Auckland, etc.: Oxford university press, 2010. 596 p.

Dennett D.C. Consciousness explained. New York, Boston, London: Black Ray Books, 1991. 511 p.

Dennett D.C. Sweet dreams: philosophical obstacles to a science of consciousness. Cambridge (Mas.), London: The MIT press, 2005. 199 p.

Mind, Culture, and Activity 2016, Vol. 23, № 4.

LANGUAGE CONSCIOUSNESS: IS IT PART OF CONSCIOUSNESS OR OF A THEORY?

Andrey A. Yakovlev

Assistant Professor

Department of Romance Languages

and Applied Linguistics, SibFU

82a, Svobodny av., Krasnoyarsk, Russia

mr.koloboque@rambler.ru

The paper analyzes the content of the concept “language consciousness.” It is usually defined as a part of the individual consciousness associated with language and expressed in speech. However, from the point of view of the cultural-historical theory of L.S. Vygotsky and the philosophical issues close to it, such an interpretation of the concept is tautological, since human consciousness has a fundamentally sign, linguistic nature, and it is impossible to extract a separate “language” component. The author offers an interpretation of language consciousness as a psycholinguistic concept, which shows how the internal (personal) and external (social) conditions of language, as a person’s property, are associated with changes in the meanings and personal senses of words. “Language consciousness” is in this case not the subject of research, but a theoretical concept, a construct, reflecting certain laws of a probabilistic nature. It allows speculating on bigger or smaller tendencies, but never about unambiguous characteristics of the corresponding linguistic phenomena in their connection with socio-cultural phenomena. This interpretation of language consciousness allows explaining the facts revealed in psycholinguistic experiments through their connections with cultural peculiarities, with the experience of people as members of certain social groups, with personal senses, and with general cultural values. The development of socio-cultural phenomena, which receives one or another emotional-personal assessment in the minds of native speakers, is regularly expressed in changes in meanings and personal senses of certain words and expressions. This regularity is the content of the concept of “language consciousness.”

Keywords: language consciousness, personal sense, psycholinguistic terminology, psycholinguistic methodology

References

Bratchikova N.S. Cvetovaja kartina mira v finskom i russkom jazykovom soznanii: dis. ... d-ra filol. nauk [Color worldview in Russian and Finnish linguistic consciousness]. Thesis ... Doctor of Linguistics. M., 2006. 349 s. (In Russian)

Dzjuba E.V. Lingvokognitivnaja kategorizacija v russkom jazykovom soznanii: monografija [Lingvocognitive categorization in Russian linguistic consciousness]. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, 2015. 286 s. (In Russian)

Goroshko E.I. Jazykovoe soznanie: Associativnaja paradigma: dis. ... d-ra filol. nauk [Linguistic consciousness: associative paradigm]. Thesis ... Doctor of Linguistics. M., 2001. 287 s. (In Russian)

Il'ina V.A. Struktura sodержanija slova v jazykovom soznanii nositelej raznyh kul'tur: na materiale nominantov obraza odinochestva: dis. ... d-ra filol. nauk [Word content structure

in the linguistic consciousness of different cultures: on the material of loneliness image]. Thesis ... Doctor of Linguistics. M., 2012. 536 s. (In Russian)

Il'ina E.Ju. Konceptualizacija vymysla v jazykovom soznanii i tekste: dis. ... d-ra filol. nauk [Fiction conceptualization in linguistic consciousness and text] Thesis ... Doctor of Linguistics. Volgograd, 2009. 449 s. (In Russian)

Ilyenkov E.V. Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii [Dialectics of the abstract and the concrete in scientific thinking]. M.: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 1997. 464 s. (In Russian)

Ilyenkov E.V. Problema ideal'nogo [Problem of the idela] // Eval'd Vasil'evich Ilyenkov [Evald Vassilievich Ilyenkov]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2009. S. 153-214. (In Russian)

Kubryakova E.S. V poiskah sushhnosti jazyka: Kognitivnye issledovanija [In search of the essence of language]. M.: Znak, 2012. 208 s. (In Russian)

Leont'ev A.N. Filosofija psihologii: iz nauchnogo nasledija [Philosophy of psychology: scientific heritage]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994. 88 s. (In Russian)

Leont'ev D.A. Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti [Psychology of the sense: nature, structure and dynamics of the sense reality]. M.: Smysl, 2007. 511 s. (In Russian)

Luria A.R. Jazyk i soznanie [Language and mind]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1979. 320 s. (In Russian)

Malevinskij S.O. Semanticheskie polja poroka i dobrodeteli v jazykovom soznanii sovremennoj studencheskoj molodjozhi: dis. ... d-ra filol. nauk [Semantic fields of bad and good in linguistic consciousness of modern students]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Krasnodar, 2006. 207 s. (In Russian)

Mamardashvili M.K. Formy i sodержание myshlenija [Forms and content of thinking]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2011. 288 s. (In Russian)

Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika [Cognitive linguistics]. M.: AST: Vostok – Zapad, 2007. 314 s. (In Russian)

Privalova I.V. Jazykoe soznanie: jetnokul'turnaja markirovannost': teoretiko-jeksperimental'noe issledovanie: dis. ... d-ra filol. nauk [Linguistic consciousness: ethnocultural reality: theoretical and experimental research] Thesis ... Doctor of Linguistics. M., 2006. 486 s. (In Russian)

Rubinshtejn S.L. Bytie i soznanie [Being and consciousness]. Saint-Petersburg: Piter, 2012. 288 s. (In Russian)

Sergieva N.S. Hronotop zhiznennogo puti v russkom jazykovom soznanii: dis. ... d-ra filol. nauk [Chronotope of the life in Russian linguistic consciousness]. Thesis ... Doctor of Linguistics. M., 2010. 420 s. (In Russian)

Shamanova M.V. Kommunikativnaja kategorija v jazykovom soznanii (na materiale kategorii «obshhenie»): dis. ... d-ra filol. nauk [Communicative category in the linguistic consciousness (on the material of category “communication”)]. Thesis ... Doctor of Linguistics. Voronezh, 2009. 534 s. (In Russian)

Shishkanov I.V. Specifika of nemeckogo i russkogo jazykovogo soznaniya : Psiholingvisticheskij analiz tematicheskoy gruppy «Chelovek» [Specifics of the German and Russian linguistic consciousness: psycholinguistic analysis of the thematic group «Human»]: diss. ... kand. filol. nauk. M., 2002. 216 s. (In Russian)

Stjopin V.S. Teoreticheskoe poznanie [Theoretical cognition]. M.: Progress-Tradicija, 2003. 744 s. (In Russian)

Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie kak otobrazhenie jetnosociokul'turnoj real'nosti [Linguistic consciousness as the display of the ethnocultural reality] *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2003. № 1. S. 102-110. (In Russian)

Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Linguistic consciousness: dynamics and variety]. Moscow: Institut jazykoznanija RAN, 2011. 252 s. (In Russian)

Ufimtseva N.V., Tarasov E.F. Problemy izucheniya jazykovogo soznaniya [Problems of the linguistic consciousness research]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2009. № 10. S. 18-25. (In Russian)

Vasiljuk F.E. Struktura obraza [Image structure]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology]. 1993. № 5. S. 5-19. (In Russian)

Vygotskij L.S. Sbranie sochinenij: v 6 t. T. 2: Problemy obshhej psihologii [Selected works. In 6 vol. Vol. 2: Problems of general psychology]. M.: Pedagogika, 1982. 504 s. (In Russian)

Yakovlev A.A. Znachenija terminov kak otrazhenie nauchnoj i obydennoj kartin mira v soznanii studenta [Terms Meanings as the Reflections of the Scientific and Everyday Worldviews in the Student's Mind] *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2018. № 1. S. 30-40. (In Russian)

Yakovlev A.A., Bojko Y.N. «Otkat» i «raspil» v jazykovom soznanii studenta: shtrihi k psiholingvisticheskim portretam [«Rollback» and «sawing» in the student's linguistic consciousness: sketches to the psycholinguistic portraits] // *Vestn. Tversk. gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologija»* [Journal of Tver state university: Series: Philology]. 2016. № 4. S. 213-218. (In Russian)

Zalevskaja A.A. Znachenie slova v zerkale psiholingvisticheskogo portretirovanija (II) [Word meaning in the mirror of the psycholinguistic portraiting (II)]. *Vestn. Tversk. gos. un-ta. Ser. «Filologija»* [Journal of Tver state university: Series: Philology]. 2010. № 4. S. 204-213. (In Russian)

Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe [Notebooks of L.S. Vygotsky]. M.: Izdatel'stvo «Kanon+» ROOI «Reabilitacija», 2017. 608 s. (In Russian)

Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskij akt [Consciousness and creative action]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. 592 s. (In Russian)

Zinov'ev A.A. Logika nauki [Logic of science]. M.: Mysl', 1971. 279 s. (In Russian)

Chalmers D. (1996) The conscious mind: In search of a theory of conscious experience. New York: Oxford university press. 375 p.

Chalmers D. (2010) The character of consciousness. Oxford, New York, Auckland, etc.: Oxford university press. 596 p.

Dennett D.C. (1991) Consciousness explained. New York, Boston, London: Black Ray Books. 511 p.

Dennett D.C. (2005) Sweet dreams: philosophical obstacles to a science of consciousness. Cambridge (Mas.), London: The MIT press. 199 p.

Mind, Culture, and Activity (2016), Vol. 23, № 4.